

В. П. КОРЗУН – С. А. ЛИМАНОВА – М. С. НОСОВА

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СССР В 1945–1975 ГГ.:
МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ЗАКАЗОМ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ¹**

**POPULARIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE USSR 1945–1975:
BETWEEN SOCIAL ORDER AND ACADEMIC CULTURE**

The authors of this article focus on the phenomenon of the popularization of Soviet science and scientists in the USSR during the period of time from 1945 to 1975. The popularization of science is presented as a complex phenomenon within the mechanisms the government was employing to exercise control over all aspects of society. Science itself is presented as a communicative system permeated by a multitude of dialogues. Drawing on a historiographical analysis of the literature, the authors focus on internal aspects of the process whereby the sciences were popularized. Since significant anniversaries are occasions that trigger public interest in science and the fate of scientists, the focus of this paper is on the period between two anniversaries of the (USSR) Academy of Sciences: the 220th in 1945 and the 250th. It analyses communicative platforms used within this chronological period such as the magazines *Knowledge is Power*, *Science and Life* and *Crocodile*. These periodicals form the source base for research along with archival materials (from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Russian State Archive of Modern History), and diaries and memoirs of foreign and domestic participants of the anniversary celebrations. The article draws conclusions: 1) about the predominance of interest in exact and natural sciences, 2) about the presentation of various images of science promulgated in the pages of popular publications and at the jubilee academic forums, and 3) about the connection of the popularization of science with the formation of a classic pantheon of scientists.

Keywords: Soviet science, scientific diplomacy, popularization, academic anniversaries, communication platforms

Valentina P. Korzun – Doctor of Historical Sciences, Professor; Omsk State Pedagogical University; E-mail: korzunv@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1868-1628.

Svetlana A. Limanova – PhD in History, Senior researcher, Omsk State Pedagogical University, Head of the History Department of the Academy of Sciences, E-mail: serovasvetlana@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9189-0963.

Marina S. Nosova – PhD in History, Omsk State Pedagogical University, Omsk State Technical University, researcher; E-mail: mari93_1993@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1508-4254

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-007-58. „The Public History of Soviet Science in the Socio-Cultural Space of the Second Half of the 20th Century (Institutions, Methods of Construction, and Forms of Transmission)“

Citation: V. P. KORZUN, S. A. LIMANOVA, M. S. NOSOVA, “Popularizatsiia nauchnogo znaniia v SSSR v 1945–1975 gg.: mezhdru sotsial’nym zakazom i akademicheskoi kul’turoi” [Popularization of Scientific Knowledge in the USSR 1945–1975: Between Social Order and Academic Culture], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 115–132. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.18

НАШИ МОТИВЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМЕ

Одной из сущностных черт советской культуры, закрепившейся в памяти поколений и ставшей своего рода максимой, было утверждение, что СССР – самая читающая страна в мире, а советский человек – это человек читающий. К этому добавим, что в огромном массиве литературы, издаваемой в СССР, значительное место принадлежало научно-популярным изданиям. К середине 1980-х годов каждая двадцатая книга в СССР была научно-популярной.² Тем не менее феномен популяризации, в том числе и советской науки, не получил всестороннего осмысления.

Мы можем констатировать фрагментарность изучения темы, которая усугубляется параллельным, практически непересекающимся движением локального (на уровне отдельных коммуникативных кейсов, в нашем случае – научно-популярных журналов³) и макро-процессуального (на уровне описания коммуникативного поля науки в его целостности, с акцентированием публичности⁴).

Такая историографическая ситуация стимулировала наше обращение к проблеме феномена популяризации советской науки и советского ученого в СССР в период с 1945 по 1975 гг. Мы намерены соединить эти параллельные историографические опыты с акцентом на внутринаучные процессы, которые проигнорированы в современной отечественной историографии. Выбор границ хронологического поля исследования в данной статье связан с пиками популяризации науки

-
- 2 А. Г. Ваганов, *Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России* (Москва: Ленланд, 2021), 159.
 - 3 *Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов*, (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011), 134–162; В. П. Корзун, М. С. Носова, ««Увидеть небо в чашечке цветка» журнал «Знание-сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки», *Диалог со временем*, no. 84 (2023): 143–195; Д. Н. Вяльцева, «Журнал “Наука и жизнь” в 1960–1970-е гг.: историко-типологический анализ», *История отечественных СМИ*, no. 2(4) (2017): 77–85; И. А. Харичев, «Между обществом и наукой. О журнале «Знание-сила»», *Библиотечное дело*, no. 24(138) (2010): 36–39; Р. А. Фандо, «Карикатура как историко-научный источник», в *История науки: источники, памятники, наследие: Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники* (Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Янус-К», 2016), 54–66. и др.
 - 4 Ваганов, *Спираль жанра*, 213; Е. А. Долгова, *Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг.* (Москва: РГУ, 2020), 325; К. Г. Фрумкин, *Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике* (Москва, СПб.: Нестор-История, 2022), 352.

в периоды академических празднований – 220-летнего юбилея Академии наук в 1945 г. и 250-летнего юбилея в 1975 г. Это тридцатилетие ознаменовано социально-политическими изменениями в советском обществе (поздний сталинизм, оттепель, «брежневская стабильность»), изменением роли и места науки в социалистическом строительстве (от сугубой прагматики до осознания стратегической ее значимости и массовизации), научной политики в целом, в том числе с включением научной дипломатии.

Предварительно сделаем несколько пояснений. Первое касается нашего понимания популяризации как сложного феномена в единстве социального, властного заказа и внутренней логики развития науки как коммуникативной системы. Стоит иметь ввиду два основных поля направленности данного процесса: 1) академическое сообщество и 2) пространство массовой культуры⁵.

Второй момент, требующий комментария, это источниковая база исследования. В силу специфики сохранившихся источников (документы делопроизводства Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук) более известна и поддается реконструкции официальная сторона презентации советской науки и образа советского ученого. Приватная же сторона этого процесса долгое время оставалась в тени. Приоткрыть кулисы официоза, выйти за рамки «сталинского монументализма» в освещении, в том числе академических юбилеев, позволяет обращение к эго-источникам («Русский дневник» Гарольда Инниса⁶, исследование австралийского ботаника Эрика Эшби с включением собственных воспоминаний⁷, личные впечатления о праздновании 220-летия АН СССР советского академика, известного ботаника, создателя школы эколога-ботанических исследований и популяризатора науки Б.А. Келлера⁸). На данный момент остается открытым вопрос о существовании эго-документов по юбилею 1975 г.

5 В. П. Корзун, «“Наука напоказ”: Эрик Эшби о русском феномене популяризации науки», *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 165, no. 4–5 (2023):183.

6 HAROLD A. INNIS, *Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings* (Toronto: University of Toronto, 1981), 15–50.

7 ERIC ASHBY, *Scientist in Russia* (New York, 1947), 191.

8 Архив Российской академии наук (РАН), Ф. 539. Оп. 1. Д. 4.

О КОНТЕКСТАХ

Во второй половине XX в. происходило изменение социального облика научного сообщества, институционального обеспечения и интернационального устройства мировой науки. В качестве главного маркера называем переход от наднациональной модели науки – к государственно-национальной. Этот процесс характеризовался увеличением значимости прикладных (заказных) исследований, что неизбежно сопровождалось возрастающей ролью государства в их организации. В то же время не исчезали и представления об интернационализации науки или, по терминологии Р. Мертона, ее «коммунизации», более того, они оформлялись концепционно. Речь идет об этосе науки и способах его укорененности в культуре научной корпорации. Учет этого контекста представляется важным для прояснения циркуляции научного знания и оценок популяризации внутри научной корпорации. Несмотря на то, что после Второй мировой войны линия на коммунизацию науки набирала силу и становилась доминирующей в научном сообществе (но прерывистой, в условиях холодной войны), константой как довоенного, так и послевоенного периода являлось повышенное внимание к техническим и естественным дисциплинам. Концепт национально-государственной науки отражал не только противоречия переустройства мира в геополитическом измерении, но и вызовы послевоенной модернизации, практики мобилизации интеллекта для восстановления экономики, а затем в 1960–1970-е гг. – для строительства «идеального коммунистического общества».

Общий подход отражался в конкретной научной политике, хотя здесь следует сделать оговорку: модели научной политики могли быть различны. Эти сюжеты только начинают исследоваться в историографии и требуют дальнейшего изучения. Наше внимание в первую очередь было сосредоточено на реакции академических структур на запрос времени и власти, на тенденции развития науки не только как социального, но и культурного института. Направленность советской научной политики определялась задачами стимулирования научно-технического развития страны. «В основе ее организации, по мнению современных историков, лежало требование управляемости» и концентрации «материальных, интеллектуальных, финансовых ресурсов для реализации крупномасштабных научно-технологических проектов»⁹. Популяризация научных

9 М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова, *Наука большой страны: советский опыт управления* (Центр истории российской науки и научно-технологического развития. М.: РГГУ, 2023), 577.

знаний являлась одной из важных составляющих научной политики государства, что нашло отражение в институциональном строительстве и соответствующей материальной поддержке коммуникативных площадок популяризации. Явственно этот процесс прослеживается с 1930-х годов, когда, собственно, и складывается «сталинская модель науки».

В 1932 г. был создан Отдел научной пропаганды Академии наук СССР, который в 1942 г. переименовали в Совет научно-технической пропаганды при Президиуме АН СССР. Он активно действовал в годы Великой Отечественной войны; исключительное внимание было уделено Уральскому направлению, где сконцентрировались основные научные ресурсы тыла. В связи с этим в сентябре 1942 г. в Свердловске появилось специальное Бюро по научно-технической пропаганде, которое проводило работу согласно общим установкам Президиума АН СССР. Совет просуществовал до 1949 г.

С 1947 г. начало функционировать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (известное впоследствии как общество «Знание»)¹⁰, которое вобрало в себя опыт работы и многие задачи Совета научно-технической пропаганды, значительно расширив область популяризации научного знания¹¹. Понимание этой преемственности важно при составлении «карты институций».

Руководящим и контролирующим органом популяризации был Отдел Агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) в его подчинении находились упоминаемое нами общество «Знание» и целый ряд научно-популярных журналов – «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Международная жизнь», «Наука и религия», «Слово лектора»¹². Практически все академические и институтские структуры имели отделения общества «Знание», которые отчитывались перед областными и городскими комитетами КПСС.

Утилитаристский образ науки, который коррелировался индустриальной парадигмой развития страны, задавал соответствующую интерпретацию науки и ученого на страницах научно-популярной периодики и в лекционной практике представителей научного сообщества.

10 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Ф. 3. Оп. 33. Д. 22. Л. 42–43.

11 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 72–74.

12 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 79; РГАНИ Ф. 3. Оп. 34. Д. 150. Л. 157–169; Ф. 100. Оп. 5. Д. 53.

НАУКА И УЧЕНЫЙ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

В фокусе нашего внимания оказались такие коммуникативные площадки популяризации, как журналы «Знание-сила», «Наука и жизнь» и сатирический журнал «Крокодил». Эти журналы имели длительную, но прерывистую историю. Так научно-популярный и научно-художественный журнал «Знание-сила», был основан в 1926 г. В первый год издания материалы журнала ориентировались на школьную аудиторию. С 1941 г. журнал не издавался, возобновлен в 1946 г. Тогда же изменилось и направление работы, журнал стал ориентироваться не только на молодежную, но и на более широкую аудиторию. «Наука и жизнь» впервые выпускается медиком М.Н. Глубоковским, который решил посвятить себя журналистике, в 1890-м г., журнал выходил еженедельно и был небольшим по объему (всего 16 страниц)¹³. Советская история журнала начинается в 1934 году. Оба журнала, как и другие популярные издания («Техника молодежи», «Вокруг света», «Химия и жизнь», «Юный техник», «Юный натуралист» и др.) в интересующий нас период, окрашенный верой в технический прогресс, во всемогущество техники, стремлением вовлечь различные слои общества в социалистическое строительство, были призваны ознакомить читателя «с наукой, как с орудием перестройки жизни. Не голая, абстрактная, оторванная от жизни наука интересуется нас; в своем журнале мы прежде всего дадим место той науке, которая освещает важное для нашего мирозерцания или для текущей жизни вопросы»¹⁴. Такими важными вопросами считалось материалистическое мировоззрение и прикладная инженерная, техническая мысль. В мае 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О постановке производственно-технической пропаганды», ориентирующее на быстрее издание «серьезного научно-технического журнала, в котором должны освещаться все новые достижения техники как в иностранных государствах, так и в СССР»¹⁵.

13 Вяльцева, «Журнал «Наука и жизнь» в 1960-1970-е гг.: историко-типологический анализ», 79.

14 «От редакции», *Наука и жизнь*. no. 1 (1934): 2.

15 «О постановке производственно-технической пропаганды. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.05.1931 г.)», *Приложение № 4 к п. 31, пр. ПБ № 40*, <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354571-postanovlenie-tsk-vkp-b-25-maya-1931-g-o-postanovke-proizvodstvenno-tehnicheskoy-propagandy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Дата обращения: 1 июня 2024 г.).

Реализацию поставленной цели мы находим на страницах журналов, причем отметим, что акцент делается и на технике («Знание–сила», «Техника–молодежи»), и на представлении достижений естественных наук («Наука и жизнь»). В сентябре 1944 г. вышло Постановление ЦК «Об организации научно-просветительской пропаганды», которое обязывало популярные газеты и журналы печатать на своих страницах статьи и интервью на естественнонаучные темы и издавать отдельно популярные материалы по естественнонаучным вопросам. Девятый пункт Постановления касался непосредственно журнала «Наука и жизнь», ему вменялось «систематически публиковать в помощь лекторам материалы по естественнонаучным вопросам»¹⁶. Такая же установка обнаруживается и в специальном Постановлении ЦК КПСС «Об изменении направления и содержания журнала «Наука и жизнь», принятом в 1961 г. В состав редколлегии указанных журналов входили известные ученые, в основном представители точных и естественных наук.

Особое место в этом ряду занимает сатирический журнал «Крокодил». Он зародился как приложение к «Рабочей газете» в 1922 г., и уже с 1934 г. становится транслятором политики государства, в том числе и научной. Отрицательные образы тех или иных явлений были опосредованным приемом формирования нужных, положительных, «правильных» оценок ученых и целых отраслей науки и закрепления отрицательных стереотипов в оценке определенных, гонимых научных дисциплин. Язык публикаций, да и «язык рисунка/карикуры» приближен к разговорному и отражал концепт «народной науки». Визуализация была эмоциональным закрепителем нужного образа науки.

Тиражи названных журналов неуклонно росли и были огромны. «Знание-сила» достигал 700000 экземпляров (1967 г.), «Крокодил» – 1500000 экземпляров (1961 г.), но абсолютным рекордсменом оставался журнал «Наука и жизнь» с тиражом от 3000000 экземпляров.

Фронтальный просмотр журналов за период со второй половины 1940-х до середины 1970-х гг. позволил сделать вывод, что количество публикаций, посвященных популяризации технических и естественных наук, превышает количество публикаций по гуманитарным наукам. Обратимся к статистике. Из общего массива материалов журнала «Знание-сила» (7 610 публ.) лишь чуть более трети приходится на гу-

16 «Об организации научно-просветительской пропаганды», в *Постановление ЦК ВКП(б) 27 сентября 1944 в КПСС о средствах массовой информации и пропаганды*. 2-е изд. (Москва: Политиздат, 1987), 30.

манитарные области знания. Презентация технических сфер знания и успехов в области точных и естественных наук считалась редколлегией приоритетом, что вполне коррелировалось с господствующей индустриализационной парадигмой. (См. Рис.1).

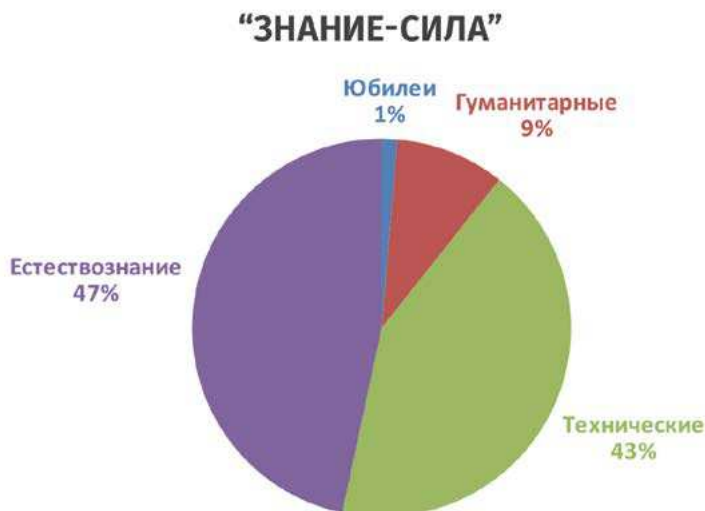

рис.1. Дисциплинарное представление статей в журнале «Знание-сила»

В рамках данной парадигмы «наука рассматривается как производительная сила, социально-экономический прогресс определяется связью науки, техники и технологий, проблема внедрения достижений науки в производство становится нервом этой парадигмы. Отсюда естественен разрыв между гуманитарными и точными науками, он был зафиксирован в материалах проверок журнала «Знание-сила» со стороны Общества «Знание» в 1977 г.»¹⁷.

Аналогичные тенденции обнаруживаются и применительно к журналу «Наука и жизнь», хотя нами выделены и различия в его дисциплинарной ориентации. Фронтальный просмотр материала (11 636 публ., до середины 1970-х гг.), позволил заключить, что преобладающее внимание уделялось проблемам естествознания (52%), на долю технических наук приходилось 28 % публикаций, гуманитарных наук – 8%. 12% от всех статей составляли публикации, посвященные коммеморативным практикам советского научного сообщества. (См. Рис 2).

¹⁷ Корзун, Носова «Увидеть небо в чашечке цветка», 143–195.

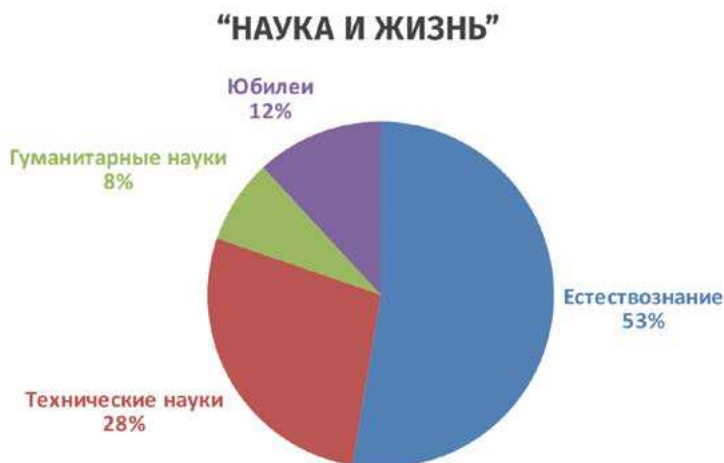

Рис.2. Дисциплинарное представление статей в журнале «Наука и жизнь»

Образ науки представлен не только в дисциплинарном, но и в институциональном срезе. Речь шла об истории академических и научно-образовательных учреждений, музеев и научных обществ. В послевоенный период советская наука начинает рассматриваться как продолжение традиций дореволюционной науки и как часть мирового научного процесса. Концепт «сталинской науки», характеризующийся утилитаризмом, «народностью», закрытостью, противопоставлением науке «буржуазной» начинает переосмысливаться, как это не парадоксально, в эпоху позднего сталинизма. Концептуально это прозвучало в докладе президента АН СССР В.Л. Комарова на открытии юбилейной сессии 16 июня 1945 г., посвященной 220-летию Академии наук¹⁸, а также на заключительном приеме гостей юбилея в Георгиевском зале Кремлевского дворца. В.М. Молотовым был поднят тост: «В честь советских учёных, в честь дружбы между нашими и иностранными учёными, между нашей и мировой наукой! За их здоровье, за их успехи, и за присутствующих среди нас гостей, участвующих в этом чествовании. За Ваше здоровье!»¹⁹. В такой форме была озвучена идея единства мировой науки, что отвечало настроению научного сообщества и соотносилось с одним из значимых тезисов юбилейного доклада В.Л. Комарова.

18 Юбилейная сессия Академии наук СССР. 15-е июня - 3-е июля 1945 г., Т. 1: Речи, приветствия и др. материалы (Москва; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948): 63–72.

19 Юбилейная сессия Академии наук СССР, 212.

В данном случае мы имеем дело с возросшей субъектностью ученой корпорации, внесшей существенный вклад в Победу, а также с фактором научной дипломатии. Создавая собственный положительный образ в «делании советской науки», власть пытается воздействовать на общий ход мировой истории и добиться признания такого права со стороны присутствующих иностранных гостей на юбилее. В дальнейшем эта линия на интернационализацию науки в условиях холодной войны оказалась неустойчивой и варьировалась от идеи «Республики ученых» до изоляционизма, затем его частичного преодоления²⁰.

Избранная нами юбилейная линза позволила представить антропологический образ советской науки и ученого, транслируемый посредством журнальной периодики, хотя работа в этом направлении еще не завершена. На основании анализа статейного репертуара трех журналов удалось выявить динамику юбилейных мероприятий, посвященных отдельным ученым (см. рис. 3).

Рис.3. Количественные данные о празднуемых юбилеях ученых (с 1945 по 1975 гг.)

Рост количества публикаций о юбилеях отечественных исследователей приходится на первое десятилетие после празднования 220-летне-

²⁰ В. С. Груздинская, В. П. Корзун, ««Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР)», *Вестник Томского государственного университета*. no. 472 (2021): 85–94.

го юбилея Академии наук СССР. Отсутствие растущей динамики с начала 60-х до середины 70-х гг., возможно объяснить, пока на уровне гипотезы, количественным ростом реестра научно-популярных периодических изданий (их число в 1974 г. возросло до 83-х²¹), их специализацией и ориентацией на разные круги реципиентов научного знания. Отметим диспропорцию в упоминании имен отечественных и зарубежных ученых, что вполне объяснимо в силу презентации собственной науки, к тому же в условиях национального подъема, в тоже время замалчивание знаковых имен иностранных ученых буквально в течение нескольких лет (с 1949 по 1952 г.) приходится на период борьбы с космополитизмом и свидетельствует о мощном влиянии политики власти на научную политику журналов. И далее, как показывает график, наблюдается незначительный рост количества статей, посвященных иностранным ученым, пик этих публикаций приходится на середину 1960-х г., хотя эта линия продолжает оставаться дискретной. На страницах журналов были представлены имена иностранных ученых с мировым именем – Л. Пастер, Вальтер, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Ньютон, Т. Эдисон, Л. да Винчи, Авиценна, Ч. Дарвин, Н. Коперник, Э. Ленц, Ж.Б. Ламарк, Г. Галилей, Ш. Монтескье, Дж. Бруно, П. Кюри, Гераклит, Б. Паскаль, Н. Бор и др. В данный ряд попадают и деятели культуры (Г. Гейне, Р. ван Рейн). Это весьма симптоматично в плане деконструкции сталинской модели науки, которая более явственно начинает просматриваться как раз в 1960–1970-е гг.

Показательна частота обращений к освещению юбилеев одних и тех же ученых. Такие русские (советские) ученые, как микробиолог И.И. Мечников, химик Д.И. Менделеев, геологи В.А. Обручев и Е.А. Ферсман, биолог и селекционер И.В. Мичурин и др., неоднократно становились объектом внимания авторов журналов. В 1949 г. грандиозно отмечался 100-летний юбилей И.П. Павлова. Статьи о работе ученого и его вкладе в развитие советской науки в юбилейный год в «Науке и жизни» публикуются трижды²².

Поводом для публикации материалов, посвященных отдельным ученым, становились не только юбилеи, но и научные дискуссии. Так на страницах журнала «Наука и жизнь», в рубрике «Ученые нашей страны» положительным героем становится Т.Д. Лысенко, идеи которого излагаются в контексте «знаменитой» сессии ВАСХНИЛ 1948 г.²³

21 Ваганов, *Спираль жанра*, 158.

22 *Наука и жизнь*, по. 6, 7, 9 (1949).

23 *Наука и жизнь*, по. 10 (1948).

В результате проявлялась картина классикализации в научной сфере, которую журналы и закрепляли, формируя «научный пантеон».

Идеальный ученый наделялся рядом характеристик, среди которых стержневым было определение «классового подхода» в освещении биографий – подчеркивалась значимость «выхода из народа» и народности науки в целом, что особенно характерно для первого послевоенного десятилетия. Обязательно фиксировался вклад в развитие отечественной и мировой науки. Как положительные черты отмечалась политическая активность (участие в «деле революции») или популяризаторская деятельность. Как правило, указывалась принадлежность к научной школе, часто – к поколению, воспитанному на революционных идеях, подчеркивалась опора на материалистическое понимание исторического процесса, на связь с практикой (он не «кабинетный ученый»). Среди психологических особенностей отмечались такие черты как упорство, энтузиазм, способность к коллективному творческому процессу. В качестве достоинств выделялись талант и организаторские способности.

В журналах «Знание–сила» и «Наука и жизнь» в это время мы не находим жесткого противопоставления русской (советской) и европейской науки, советского и русского ученого, что характерно для партийных постановлений и официальной прессы²⁴. Синхронность научной политики государства и научной политики редколлегий журналов не была абсолютной. Элементы академической культуры (напомним читателю, что в состав редколлегии входили ученые, ученые были и авторами многих статей) смягчали тон относительно зарубежной науки. Здесь мы сталкиваемся и с проблемой умолчания в науке, которое имеет различное происхождение и различные смыслы. А что касается журнала «Крокодил», то он представлял прямолинейную версию партийных постановлений, и если сложить эти пазлы воедино, то вырисовывается трансляция противоречивого образа советской науки.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ОЦЕНКЕ УЧАСТНИКОВ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЮБИЛЕЕВ

Обозначенный сюжет рассмотрим на примере анализа и рецепции советских популяризаторских практик участниками академических торжеств.

²⁴ Трансформация образа советской науки, 134–162.

В качестве примера подобного подхода возьмем «отправное» для нашего исследования празднество 1945 г. 220-летие Академии наук СССР, которое отмечалось в июне 1945 г. Торжествам намеренно придали международный характер – передовые ученые из стран Европы и Америки стали зрителями грандиозного парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. Согласно плану мероприятий Совета научно-технической пропаганды АН СССР, в связи с юбилеем для популяризации научного знания проводилось чтение цикла лекций в Москве, Ленинграде, союзных республиках (на базе филиалов АН СССР), в крупных промышленных центрах (силами выездных бригад); готовился выпуск специальных номеров журналов и брошюр; разрабатывались сюжеты для кино-очерков; организовывались выступления ученых по радио. Ленинградская студия кинохроники смонтировала кинофильм «Юбилейная сессия Академии наук в Ленинграде» (июль 1945 г., режиссер – С. Якушев, операторы – Г. Симонов, Е. Учитель, В. Левитин, Б. Соркин).

Для освещения хода юбилейной сессии АН СССР было создано специальное Пресс-бюро. К его работе были привлечены академик А. Ф. Иоффе, члены-корреспонденты АН СССР П. Ф. Юдин, И. И. Минц и Б. М. Вул, заведующая информацией Apparата Президиума АН СССР Л. А. Бах. Образ ученого во многом складывался как раз посредством размещаемых в прессе статей о научной работе в различных областях. Визуализация происходила с помощью публикуемых фотографий академиков АН СССР и выпуска специальных юбилейных марок с портретами выдающихся ученых. Фотограф Г.М. Вайль выполнил портреты 140 академиков, которые экспонировались в фойе Большого театра, где прошло торжественное открытие юбилейной сессии АН СССР²⁵. Для специалистов подготовили юбилейные выставки советской литературы, представившие последние достижения по всем направлениям научных исследований.

Торжества посетило более 100 ученых из 19 стран мира. И многие участники зафиксировали особое отношение к науке и ученому в массовой советской культуре. Это отразилось и в подборке отзывов «Иностранных ученых о советской науке», подготовленной Пресс-бюро. Достиженные результаты позволили продолжить конструирование позитивного образа науки в Советском Союзе, были предприняты попытки экстраполировать его на мировое сообщество. В то же время ака-

25 С. А. Лиманова, «„Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки“. Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г.», Исторический архив. no 4 (2023): 16–38.

демическое празднование стало площадкой для консолидации ученых и налаживания международных связей. Полученный опыт использовался в дальнейшем – уже при организации празднования 250-летия АН СССР в 1974–1975 гг., когда был создан специальный Пресс-центр при Юбилейном комитете²⁶.

Юбилейные празднования, как часть коммеморативной академической практики, ярко высвечивают основные способы популяризации научного знания. Русский феномен популяризации научного знания и науки стал предметом рефлексии иностранных гостей. Многие из них зафиксировали масштабы и интенсивность популяризации как характерную черту советской науки, и даже как национальное пристрастие. По образному выражению геолога Томаса Холланда «Русские в широком смысле уделяют больше внимания науке, чем наши люди верховому спорту; что-то подобное угадывается по месту, отведенному этим вещам (науке – В. К., М. Н., С. Л.) в газетах»²⁷. Британский археолог Чайлд Гордон назвал эту черту отражением демократизма в науке. Наиболее содержательно явление «популяризации по-русски» освещено в работе австралийского ученого, участника юбилейных событий и одновременно сотрудника, курирующего науку при австралийском представительстве в Москве в период с 1944 г. и до конца 1945 г., Эрика Эшби²⁸. Он представил феномен русско-советской популяризации в культурологической парадигме, объясняя его дореволюционной просветительской традицией, ментальными установками русской культуры, сциентистски – утилитарными практиками замены религии верой в науку, уровнем образования народных масс, иными словами, всем тем, что мы бы назвали сегодня «режимом публичности», сформированным культурными традициями и запросом власти на монополизацию интеллекта для развития страны. Установку на популяризацию Эшби видит и в самом сценарии празднования. Он выделил подготовительный период,

26 С. А. Лиманова, «Подготовка к празднованию 250-летия АН СССР: работа Пресс-центра при Юбилейном комитете» в Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (28 марта – 1 апреля 2022 г.) (Москва: ИИЕТ РАН, 2022), 78–81.

27 М. В. Ковалев, В. С. Груздинская, «“Русские ... уделяют больше внимания науке, чем наши люди верховому спорту”: пресс-релизы британских ученых о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР в 1945 г.», *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 13. no. 9 (2022): <https://history.jes.su/S207987840022989-6-1> (Дата обращения: 1 июня 2024 г.).

28 Ashby, *Scientist in Russia*, 252.

насыщенный популярными статьями о науке и ученых в центральных периодических изданиях, в том числе, детских, на радио, визуальным оформлением публичного пространства (в кинотеатрах, на рабочих местах на фабриках и заводах, на открытых городских площадках с газетами в витринах на тротуарах). Апогей праздника нашел отражение в хроникальном освещении всех юбилейных мероприятий, насыщении коммуникативного поля репортажами об эпических картинах единения науки, власти и простого народа, многочисленными интервью иностранных ученых с оценками происходящего, с презентацией выставок научной литературы, с выступлением ученых перед рабочей аудиторией и перед праздной публикой в парках. Было обращено внимание и на банкетно-балетную подсветку праздничной витрины, как способ создания доверительной атмосферы, снижающей остроту противоречий. Аналогичная оценка банкетов содержится в «Русском дневнике Г. Инниса»²⁹. И, наконец, этап послевкусия – эхо юбилея. Вплоть до начала осени 1945 г. в центральных газетах публикуются сообщения ТАСС о том, как иностранные делегации представляли по возвращению итоги и впечатления о праздновании юбилея. По Эшби, «Наука была выставлена на показ. Показ состоялся и его щедро восхваляли практически все; однако для русских важно, чтобы похвала не была анонимной: иначе шоу не удалось бы»³⁰. Автор утверждает, что в научном этосе советского ученого популяризаторская практика рассматривалась как важная составляющая профессии. Эшби выделяет и обратную сторону тотальной популяризации и по-существу ставит проблему вариативности классикализации ученых. Закрепление высокого статуса ученого происходит в общественном сознании не только по научным заслугам, но и по степени известности широкой общественности, которая могла укореняться благодаря популяризации. Проявление этого излома в истории советской науки он видит в научной судьбе Т.Д. Лысенко.

Обратим внимание и на единичный опыт популяризации «второй степени», когда создается популярный текст о самом юбилее. Речь идет о неопубликованной статье Б. А. Келлера «220-летний юбилей Академии наук СССР»³¹. Он выступает и как хроникер торжества и как транслятор позитивного, с его точки зрения, образа советской науки, бегло касаясь широкого отражения этого события в газетах. В отличие от концепции В.Л. Комарова, Б.А. Келлер делает акцент на противополо-

29 INNIS, *Innis on Russia*, 37.

30 АШБУ, *Scientist in Russia*, 160.

31 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4.

ставлении роли и места АН в императорской и советской России, хотя подчеркивает константу, отражающую связь науки с практикой, но которая интенсивно проявляется именно в советский период³². Идея народной науки и поддержка властью ученых – центральные тезисы статьи. И апеллируя к иностранным ученым, автор с пафосом описывает такие способы презентации отношения власти к науке, как награждение ученых, банкеты в Москве и Ленинграде, и заключительный прием в Кремле, где «Президиум Академии наук находился за общим столом с советским правительством...»³³.

РЕЗЮМИРУЕМ

Подводя промежуточные итоги изучения популяризации научного знания в СССР в 1945–1975 гг., отметим две параллельные и иногда пересекающиеся практики: социальный запрос со стороны власти на такого рода деятельность, сопровождающийся постоянным контролем государства в научной сфере, и внутренние интенции научного сообщества на презентацию своих достижений. Последнее сопряжено с логикой развития науки и изменением ее моделей, правилами игры в том или ином дисциплинарном сообществе. Исследование популяризаторских советских практик на примере академических юбилеев и научно-популярных журналов корректирует устоявшееся представление о советском образе науки как определенном монолите. Как мы могли убедиться, даже при наличии сложившихся клише и ритуалов в описании идеального образа науки, есть основания говорить о различных образах, которые имели место быть в научных сообществах и, соответственно, транслировались со страниц популярных изданий и на юбилейных академических форумах, причем не только в различные периоды истории. Отличающиеся образы характерны и для одного временного отрезка и могли быть представлены даже в одном источнике. Здесь мы сталкиваемся с труднорешаемой пока проблемой – выявления личных редакторских стратегий в коррекции транслируемого образа советской науки и ученого в условиях цензуры. Требуется своего решения проблема влияния популяризации науки на формирование пантеона классиков.

32 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

33 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

References

- Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences] (ARAN), F. 539. Op. 1. D. 4.; F.596. Op. 1. D. 139.; F.1659. Op.2. D. 77.
- ERIC ASHBY, *Scientist in Russia* (New York, 1947), 191.
- E. A. DOLGOVA, *Rozhdenie sovetsoi nauki: uchenye v 1920-1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 1930s] (Moskva: RGGU, 2020).
- R. A. FANDO, «Karikatura kak istoriko-nauchnyi istochnik» [Caricature as a Historical and Scientific Source], v *Istoriia nauki: istochniki, pamiatniki, nasledie: Vtorye chteniia po istoriografii i istochnikovedeniiu istorii nauki i tekhniki* (Moskva, 2016.): 54–66.
- K. G. FRUMKIN, *Liubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial'noi istorii sovetsoi nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike* [Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art and Public Rhetoric] (Moskva, SPb: Nestor-Istoriia, 2022).
- M. V. GRIBOVSKII, I. G. DEZHINA, E. A. DOLGOVA, M. O. OKUNEVA, E. A. STREL'TSOVA, D. L. SAPRYKIN, S. B. UL'IANOVA, *Nauka bol'shoi strany: sovetsoi opyt upravleniia* [Big Country Science: Soviet Management Experience] (Moskva, 2023).
- I. A. HARICHEV, «Mezhdru obshchestvom i naukoii. O zhurnale "Znanie-sila"» [Between Society and Science: On the Magazine *Knowledge is Power*], *Biblioteknoe delo*. no. 24(138) (2010): 36–39.
- HAROLD A. INNIS, *Innis on Russia: The Russian Diary and Other Writings* (Toronto: University of Toronto, 1981).
- V. P. KORZUN, D. M. KOLEVATOV, «"Russkie pokloniautsia znaniiam" (220-letnii iubilei AN SSSR v vospriiatii kanadskogo uchenogo)» ["Russians Worship Knowledge" (The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as Perceived by a Canadian Scientist)], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. T. 162, no. 3. (2020): 207–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.3.207-219>
- V. P. KORZUN, M. S. NOSOVA, «"Uvidet' nebo v chashechke tsvetka" zhurnal. «Znanie-sila» kak kommunikativnaia ploshchadka populiariatsii sovetsoi nauki [“Seeing the Sky Within a Calyx: ‘Knowledge Is Power’ Magazine as a Communicative Platform for the Popularization of Soviet Science], *Dialog so vremenem*, no. 84 (2023): 143–195. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2023.84.84.005>
- M. V. KOVALEV, V. S. GRUZDINSKAIA, «"Russkie ... udeliaut bol'she vnimaniia nauke, chem nashi liudi verkhovomu sportu": press-relizy britanskikh uchenykh o poezdke v SSSR na 220-letnii iubilei AN SSSR v 1945 g. [Russians ... Pay More Attention to Science Than Our People Do to Top-Level Sports": Press Releases by British Scientists on a Trip to the USSR for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*. T. 13. no. 9 (2022): <https://history.jes.su/S207987840022989-6-1> (Accessed 1 June 2024) <https://history.jes.su/s207987840022989-6-1/>
- S. A. LIMANOVA, «Podgotovka k prazdnovaniiu 250-letii AN SSSR: rabota Press-tsentra pri iubileinom komitete», [Preparations for the Celebration of the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences: The Work of the Press Center under the Anniversary Committee], v *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii Rossiiskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posviashchennoi 90-letiiu Instituta istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN (28 marta – 1 apreliia 2022 g.)* (Moskva: IIET RAN, 2022), 78–81.

S. A. LIMANOVA, «“Velikoe prazdnestvo sovetsoi nauki, kotoroe stalo prazdnikom mirovoi nauki”. Otkliki uchenykh iz Bolgarii, Pol’shi, Shvetsii na prazdnovanie 220-letii AN SSSR 1945 g.» [“The Great Celebration of Soviet Science Which Became a Celebration of World Science”. Responses of Scientists from Bulgaria, Poland and Sweden to the Celebration of the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences. 1945], *Istoricheskii arkhiv*, no. 4 (2023): 16–38.

Nauka i zhizn [Science and Life], no. 6, 7, 9 (1949).

«O postanovke proizvodstvenno-tekhnicheskoi propagandy (Utverzhdeno Politbiuro TSK VKP(b) 25.05.1931 g.) [On the Organization of Production-Technical Propaganda (Approved by the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on May 25, 1931)], *Prilozhenie № 4 k p. 31, pr. PB № 40*, <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354571-postanovlenie-tsk-vkp-b-25-maya-1931-g-o-postanovke-proizvodstvenno-tehnicheskoy-propagandy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Accessed 1 June, 2024).

«Ob organizatsii nauchno-prosvetitel’skoi propagandy» [On the Organization of Scientific and Educational Propaganda], v *Postanovlenie CK VKP(b) 27 sentiabria 1944 v KPSS o sredstvakh massovoi informatsii i propagandy*. 2-e izd. (Moskva: Politizdat, 1987), 30.

«Ot redaktsii» [From the Editorial Office], *Nauka i zhizn’*, no. 1 (1934): 2.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [The Russian State Archive of Modern History] (RGANI), F. 3. Op. 33. D. 22. L. 42-43; F. 3. Op. 34. D. 150. L. 157-169; F. 100. Op. 5. D. 53.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), F. 17. Op. 132. D. 177. L.7-10; F. 17. Op. 132. D. 10. L. 72-74, 79.

I. S. SOKOLOVA, «Nauchno-populiarnyi zhurnal s dlitel’noi istoriei: memorial’nye funktsii» [A Popular Science Magazine with a Long History: Memorial Functions], v *Rumiantsevskie chteniia - 2020: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Chast’ 2, Sost. E. A. Ivanova. Red. V. V. Duda (predsedatel’), lu. S. Beliankin, E. N. Guseva [i dr.] (Moskva, 2020), 323–326.

Transformatsiia obraza sovetsoi istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie: vtoraiia polovina 1940-kh – seredina 1950-kh godov [The Transformation of the Image of Soviet Historical Science in the First Post-War Decade: The Second Half of the 1940s – Mid-1950s] (Moskva, 2011).

A. G. VAGANOV, *Spiral’ zhanra: ot «narodnoo nauki» do razvlekatel’nogo biznesa. Istoriia i perspektivy populiariatsii nauki v Rossii* [The Spiral of the Genre: From “Folk Science” to the Entertainment Business. The History and Prospects of the Popularization of Science in Russia] (Moskva, 2021).

D. N. VIAL’TSEVA, «Zhurnal “Nauka i zhizn” v 1960-1970-e gg.: istoriko-tipologicheskii analiz [The Journal *Science and Life* in the 1960s and 1970s: Historical and Typological Analysis], *Istoriia otechestvennykh SMI*, no. 2(4) (2017): 77–85.